

JEL classification: K42

УДК 94

DOI 10.17150/2308-2488.2019.20(4).667-687

А.В. Данчевская

*Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, Российская Федерация*

СОЦИАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В ИРКУТСКОЙ И ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИях В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Аннотация. В статье рассмотрены социальные характеристики осужденных судебными местами Иркутской и Енисейской губерний в конце XIX — начале XX вв. Главным источником исследования послужили статистические таблицы, опубликованные в отчетах губернаторов Иркутской и Енисейской губерний. Среди них использовались «Ведомости о числе и роде преступлений», «Ведомости о насильственных и случайных смертях», а также таблицы, отражающие демографическую динамику. Ряд показателей были взяты из всероссийского свода статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест (1910 г.). Среди названных характеристик рассмотрено распределение осужденных: по полу (с расчетом коэффициента криминализованности), возрастным группам, сословной принадлежности, роду занятий, семейному положению, образованию, этнической принадлежности. Наибольшее внимание уделено подробному изучению распределения осужденных по сословной принадлежности, которое представляет неоднозначную картину в связи с особенностями формирования статистического материала. Эти особенности заключались в том, что разные статистические ведомости подавались разными ведомствами и по-разному формировались. Результат исследования позволил составить социальный портрет преступника Иркутской и Енисейской губерний.

Ключевые слова. Восточная Сибирь, преступность, ссыльные, социальный портрет преступника.

Информация о статье. Дата поступления 1 октября 2019 г.; дата принятия к печати 29 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 28 декабря 2019 г.

A.V. Danchevskaya

*East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Irkutsk, Russian Federation*

SOCIAL CHARACTERISTICS OF CRIME IN IRKUTSK AND YENISEI PROVINCES IN THE END OF THE XIX — EARLY XX CENTURIES

Abstract. In the article, the author analyzed the social characteristics of those convicted in judicial places of Irkutsk and Yenisei provinces in the end of the 19th and early 20th centuries. The main historical source of the study was the statistical data published in the reports of the governors of Irkutsk and Yenisei provinces. Among those the study analyzed «Vedomosti on the number and types of crime», «Vedomosti on violent and accidental deaths», as well as statistics reflecting demographic dynamics. The research studied the following characteristics of convicts: sex (with the calculation of the crime rate), age, social status, occupation, marital status, education, and ethnicity. The author focused on the distribution of convicts by class, which represents an ambiguous picture due to the peculiarities of collecting of statistical data. Different statistical data was provided by different departments and was collected differently. The findings of the study allowed to create a social profile of a criminal in Irkutsk and Yenisei provinces: a man aged 20 to 40 years, a peasant or a tradesman, exile, single, illiterate, employed in agriculture sector, or, possibly, a marginal.

Keywords. Eastern Siberia, crime, exiles, social profile of a criminal.

Article info. Received June 1, 2019; accepted November 29, 2019; available online December 28, 2019.

Преступность является исторически изменчивой проблемой социально-правового характера, а значит

порождается и условиями общественной жизни, какому бы географическому региону и хронологическому периоду она не принадлежала. Искоренение преступности считается невозможным, а противодействие ей включает в себе несколько элементов: профилактика, непосредственно борьба и минимизация последствий той или иной преступной деятельности. Поэтому для современного общества, несмотря на его активное социальное, правовое, техногенное развитие, проблема противодействия преступности остается актуальной. При этом сама преступность является объектом изучения разных наук, поскольку нельзя осуществлять борьбу с явлением, не имея представления о нем. Также невозможно выстраивать стратегию противодействия криминалу, не зная опыта прошлых времен. Это стало причиной обращения исследователей к изучению причин и характеристик преступности в историческом прошлом Российского государства [1–3].

Главным историческим источником исследования послужили статистические таблицы, опубликованные в отчетах губернаторов Иркутской и Енисейской губерний, а также данные из Свода статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест за 1910 г.¹ Из губернаторских отчетов использовались «Ведомости о числе и роде преступлений», «Ведомости о насильственных и случайных смертях», а также таблицы, отражающие демографическую динамику. Среди названных характеристик рассмотрено распределение осужденных: по полу (с расчетом коэффициента криминализованности), возрастным группам, сословной принадлежности, роду занятий, семейному положению, образованию, этнической принадлежности.

¹ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест за 1910 г. СПб : Сенатская тип., 1913. 491 с.

Преступность Восточной Сибири в конце XIX — начале XX вв. отличалась по своим характеристикам от преступности западных губерний России, что объясняется геополитическим положением и иной социальной структурой региона. В сибирском обществе, в отличие от общества центральных губерний, было слабо представлено дворянство, зато широко были представлены ссыльнопоселенцы и каторжане, оставшиеся здесь после освобождения.

Известно, что преступность обусловлена содержанием общественных отношений и присущих им противоречий, что сказывается и на криминальной картине региона. Совокупность характеристик преступности в конкретном географически-временном пространстве позволяет составить социальный портрет типичного преступника. Так, в Сибирском федеральном округе в 2018 г. социальный портрет преступника выглядел следующим образом: мужчина (99 %), гражданин России (99 %), в возрасте 30–49 лет (50 %), без постоянных источников доходов (68 %), со средним профессиональным (35 %), средним общим (29 %) или начальным и основным общим (30 %) образованием². Изучение социальных характеристик преступности производилось и в дореволюционной России, преимущественно юристами, криминологами и статистиками. Так, вопросам зависимости вероятности преступления от пола, возраста, общественного положения, вероисповедания посвящено несколько разделов труда Е.Н. Анучина, изучавшего материалы Тобольского приказа о ссыльных [4]. Но проблема социального портрета преступника именно в губерниях Восточной Сибири не становилась предметом специального исследования.

Результаты анализа уголовной судебной статистики свидетельствуют о том, что существенная доля

² Социальный портрет преступности // Портал правовой статистики. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait.

преступлений и проступков были совершены лицами мужского пола (соотношение осужденных женщин и мужчин составляло примерно 1:12), что было характерно и для Восточной Сибири. Во конце XIX — начале XX вв. в Енисейской губернии на одну осужденную женщину приходилось от 6,8 (в 1915 г.) до 14,5 (в 1886 г.) мужчин, в Иркутской — от 7,2 (в 1878 г.) до 9,5 (в 1906 г.).

Имеющийся объем данных позволил вычислить коэффициент криминализированности лиц мужского и женского пола в Енисейской губернии в пересчете на 100 тыс. населения. Он варьировался то в сторону увеличения, то в сторону понижения, однако демонстрировал явную тенденцию к росту: в 1885 г. на 100 тыс. мужского населения приходилось 718 осужденных, в 1895 г. — 775, в 1905 г. — 1 068, в 1915 г. — 1 422. Таким образом, за десятилетие 1885–1895 гг. наблюдается несущественный рост, а за 20 лет с 1895 по 1915 гг. доля осужденных мужчин увеличилась вдвое. Это можно связать не столько с непосредственным ростом преступности, сколько с изменением в конце XIX в. сибирской судебной системы и введением института мировых судей. Их появление повлекло за собой возникновение огромной массы мелких разбирательств, которые существенно изменили криминальную статистику. При этом статьи преступлений по мировому уставу вводятся в ведомости о числе и роде преступлений всеподданнейших отчетов губернаторов раньше этого срока, а именно — в 1888 г., что существенно осложняет процесс подсчета и переносит акцент на более легкие преступления, искажая реальную картину. Поэтому, на наш взгляд, наиболее адекватно отражает реальность статистика первого пятилетия 1880-х гг.: в этот период наиболее часто лицами мужского пола совершались следующие преступления (по убыванию): кражи, убийства, грабежи, нанесение увечий и ран, нарушение монетных уставов, сопротивление распоряжениям правительства.

В этот же период для лиц женского пола характерен практически тот же набор преступлений, что и для мужчин: кража, убийство, нарушение монетных уставов, поджоги и нанесение увечий и ран. Среди специфически «женских» преступлений можно назвать детоубийство, присущее не только городской среде, но и сельской местности. Е.Н. Анучин отмечал, что для мужчин-ссыльных наиболее характерно было убийство посторонних, детоубийство было наиболее редким, в то время как «для женщины вероятнее всего сделаться детоубийцею» [4, с. 30]. О мотивах таких поступков говорится в воспоминаниях почетного гражданина г. Иркутска Лидии Ивановны Тамм [5]. Совершению подобного рода преступлений способствовали нравы, не позволявшие младшим дочерям выходить замуж и рожать детей раньше старших. Случаи беременности незамужней младшей дочери тщательно скрывались, и оставить новорожденного в семье считалось невыносимым. Статистика детоубийств отражена в разделе «Ведомость о насильственных и случайных смертях» в статистических обзорах Иркутской и Енисейской губерний. Согласно этим обзорам в Иркутской губернии с 1887 по 1914 гг. было зафиксировано 140 случаев «убийств новорожденных», из которых 107 случаев приходится на уезды и лишь 33 зафиксировано в городах. В Енисейской губернии за период 1881–1915 гг. зафиксировано 135 случаев «убийств новорожденных», из которых 79 случаев приходится на уезды и 36 случаев — на города, при этом для 20 случаев не указано, в какой местности совершено преступление. «Детоубийств» (надо полагать, убийств детей, не считающихся новорожденными) в этот период зафиксировано по Иркутской и Енисейской губерниям 167 и 143 соответственно, при этом жертвы-мальчики составляют 65 % и 61,5 %, а девочки — 35 % и 38,5 %.

Анализ степени криминализованности мужчин и женщин был бы не полон без краткого обследования

демографической статистики. По подсчетам дореволюционного исследователя Н.В. Латкина, в интересующий нас период в городах и округах Енисейской губернии на 100 мужчин приходилось 77 и 78 женщин соответственно [6, с. 117]. Подобное соотношение объясняется большим количеством в регионе переселенцев и ссыльных. Приток этих категорий обуславливал воспроизводство населения губернии, в то время как естественного прироста в енисейских городах не было, поскольку смертность превышала рождаемость: в 1883 г. в городах губернии на 1 874 новорожденных пришлось 2 140 умерших. Доминирование мужчин в числе прибывших в губернию ссыльных стало причиной демографического перекоса: в том же 1883 г. в Енисейскую губернию прибыло 2 159 мужчин и 106 женщин ссыльных³.

В криминальной статистике отчетов губернаторов возрастная градация преступников представлена семью группами: 1) до 17 лет, 2) 17–20 лет, 3) 21–30 лет, 4) 31–40 лет, 5) 41–50 лет, 6) 51–60 лет, 7) свыше 60 лет. Преимущественная доля (70 %) осужденных принадлежали к третьей и четвертой группам (от 21 до 40 лет). Именно этот возраст можно назвать возрастом максимальной криминальной активности населения восточносибирских губерний в конце XIX — начале XX вв. Детская преступность (первая группа — осужденные в возрасте до 17 лет) достигала наиболее высокого уровня в 1889 г. (2,8 %), 1907 г. (2,3 %) и 1915 г. (2,2 %). Тот же уровень возрастных характеристик преступности наблюдается в Томской губернии: по подсчетам Д.М. Шиловского в период 1889–1906 гг. доля осужденных в возрасте до 17 лет составляла там 0,8 % от общего числа, а основной возраст нарушителей приходился также на период от 21 до 40 лет (63 %) [7, с. 63].

³ Обзор Енисейской губернии за 1883 г. Красноярск, 1884. С. 16, 28.

Результат изучения социальной принадлежности осужденных судами Иркутской и Енисейской губерний не позволяет сделать однозначные выводы. Определенные затруднения вызвало сопоставление криминальной и демографической статистики, поскольку представленные в них категории не полностью совпадают. Так, в ведомостях о числе и роде преступлений губернаторских отчетов до 1889 г. существовало разделение ссыльных на группы «поселенцев» и «ссыльнокааторжных». В то же время в разделе отчетов «Движение населения по сословиям» была указана общая категория «ссыльных», что побудило нас объединить в одну группу «ссыльных» группы «поселенцев» и «ссыльнокааторжных» из ведомости о числе и роде преступлений. С 1890 г. в разделе «Движение населения по сословиям» указывалась общая сумма жителей по категориям «ссыльных всех родов» и «пришедших с ними по воле», которые нами также были объединены в общую группу «ссыльных». В 1889 г. в разделе «Движение населения по сословиям» отдельно от групп «ссыльных всех родов» и «пришедших с ними по воле» указана группа «водворяемо-рабочих», которая в ведомости о числе и роде преступлений появляется также отдельно, но с 1893 г. Так как категория «водворяемо-рабочие» составляет часть категории «ссыльных», было целесообразно объединить эти две группы при сведении статистических данных. Кроме этого, в ведомости о числе и роде преступлений отсутствует категория «разночинцы», которая по нашему подсчету составляла от 0,58 % до 2,02 % от всего населения губернии. Данная цифра может незначительно повлиять на процентный ряд, и поскольку неизвестно, к какой категории относили разночинцев в ведомостях о числе и роде преступлений, можно отнести их к мещанам как составной части городских обывателей.

Изучение социального состава осужденных можно производить двумя путями: через абсолютные и

относительные показатели. Первые преимущественно отражают соотношение сословий в общей массе населения губернии, поэтому представляются малоинформативными. Сопоставление осужденных, принадлежащих к той или иной социальной группе, с общим число осужденных свидетельствует о том, что их доминирующая масса принадлежит крестьянству (77,1 % преступников в 1915 г.). Для сравнения: в Томской губернии доля крестьян среди преступников составляла 56 % [7, с. 63]. Однако такой высокий уровень крестьянской преступности наблюдается только в отдельные годы. С 1881 по 1900 гг. доля крестьян среди осужденных составляла 46,9–55,4 %, а вот после 1905 г. этот показатель существенно увеличивается. Одновременно с этим прослеживается тенденция к существенному уменьшению числа ссыльных среди осужденных. Их доля среди преступников в 1873 г. в Енисейской губернии составляла существенные 39,4 % [8, с. 175], в 1881 г. чуть ниже — 34,2 %, а к 1915 г. этот показатель сократился в 10 раз, опустившись до 3,4 %. Анализ числа мещан среди осужденных показывает относительно стабильную динамику без существенных колебаний в сторону уменьшения или увеличения. Их процент в течение 35 лет варьировался от 9,4 % в 1881 г. до максимальных 22 % в 1900 г. (в Томской губернии — 22 % [7, с. 63]).

Анализ социального состава преступников потребовал определить процентную долю осужденных относительно общего количества представителей той или иной социальной группы. Важно помнить, что некоторое количество преступлений вовсе не доходило до судебного ведомства. Какие-то преступления не были зафиксированы, хотя и имели место в действительности, дела по другим по разным причинам не были завершены полицией. Кроме того, определенное количество преступников было осуждено в соответствии с формальной «полицейской расправой», ко-

торая использовалась преимущественно по наиболее многочисленным видам преступлений — кражам и бродяжничеству (эти деяния совершались в основном беглыми ссыльными). Такой порядок определения наказаний для ссыльных регламентировался Уставом о ссыльных: «Наказания за преступления и проступки ссыльных определяются на основании постановленных выше сего правил: или 1) местным начальством их, по собственному его удостоверению в учиненной вине, или же по формальному полицейскому исследованию; или 2) судом»⁴. Такие осужденные не учитывались в общей ведомости о числе и роде преступлений в отчетах губернаторов, а шли отдельной строкой в разделе «Народная нравственность».

Для характеристики той составляющей преступности, которая связана с социальным происхождением осужденных, мы использовали понятие «криминализованность», которое отсутствует в толковых словарях. Данное понятие происходит от термина «криминализация», который представляет собой вовлечение в сферу влияния преступного мира. Соответственно понятие «криминализованность» обозначает степень вовлеченности человека или группы людей в сферу влияния преступного мира, и эта степень представляет собой процентное отношение преступлений, совершенных представителями какой-либо социальной группы, к численности этой группы. Наибольший показатель криминализованности принадлежит высшим слоям населения: дворянам потомственным (до 3,8 % в 1890 г.) и личным (до 5,97 % в 1893 г.), купцам и почетным гражданам (до 6,25 % в 1899 г.). Возможно, здесь сказывается особо внимательное отношение полиции к преступлениям, совершенным в элитарной среде.

Среди других относительно высоко криминализованных групп можно выделить категорию «ино-

⁴ Устав о ссыльных // Свод законов Российской империи (СЗРИ). 1857. Т. 14. Ст. 835.

странные подданные». В силу немногочисленности группы несколько осужденных дают статистически высокие показатели. Предполагаем, к этой группе необходимо отнести в первую очередь китайцев, пребывавших на территории России с целью заработка. Их деятельность часто требовала вмешательства правоохранительных органов. В Государственном архиве Иркутской области отложилось большое количество дел, характеризующих жителей Поднебесной как преступников, так и жертв. И если официальные «гости» находились под защитой государства, то нелегальные мигранты вообще никак не были защищены. Так, в 1913 г. в Нерчинском округе был обнаружен труп китайца Сун Фулу, убитого выстрелом из револьвера. Дознание установило, что убитый с двумя другими китайцами пробирались на родину, и спутники, желая поживиться, убили Сун Фулу выстрелом из револьвера системы «Смит-Вессон» в упор и забрали у него заработанные на прииске 125 р. Весной 1914 г. преступники были приговорены к смертной казни временной сессией Иркутского окружного военного суда⁵.

Относительные показатели криминализованности поселенцев и ссыльнокаторжных оказались на удивление низкими, что противоречит свидетельствам современников, утверждавших на страницах мемуаров, прессы и в официальных докладах вышестоящему руководству, что большую часть преступлений совершают ссыльные. Низкие показатели этой группы можно предположительно объяснить несовершенством методов дореволюционной статистики и широкой интеграцией ссыльных в состав других сословий. В большинстве источников ссылка отмечается как один из главнейших факторов роста преступности в Восточной Сибири, что можно объяснить размытостью социальной стратифика-

⁵ Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 6. Д. 4873. Л. 1, 4, 6.

ции городского общества, значительную долю которых могли составлять ссыльные под маской других сословий (купцов, мещан, крестьян, разночинцев). Такая ситуация была характерна для всех крупных восточносибирских городов. В 1884 г. иркутский полицмейстер Маковский сообщал в Иркутское общее управление, что преобладающее население города составляли мещане, значительной долей происхождения из ссыльных разных категорий, приписанных к городскому обществу. В контексте сообщения указывалось мнение начальника полиции, что эта часть населения города, находясь в постоянном общении с рабочими, следовавшими на золотые прииски, предавалась совместному с ними разгулу, который вел к упадку нравственности и совершению разного рода преступлений [9, с. 54]. Эта ситуация не являлась для Иркутска или данного конкретного времени уникальной. Спустя 14 лет (в 1898 г.) енисейский губернатор М.А. Плец сообщал, что по причине плохих урожаев в губернии (особенно в Енисейском и Красноярском уездах) ссыльные разных категорий оказались в тяжелом положении. Те из них, кто не имел собственного хозяйства и занимался наемным трудом, вынуждены были покинуть места причисления и отправиться в города в поисках работы, хотя большинству таких ссыльных проживать в городах было запрещено. Губернатор Плец ввиду неурожая разрешил им временное проживание в городах, поскольку там найти работу было легче, чем в сельской местности⁶, и в противном случае эта голодная масса отправилась бы на поиски пропитания незаконными путями. Таким образом, можно предположить, что средний уровень криминализованности мещанского сословия был обусловлен состоявшими в их числе бывшими ссыльными.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 257. Л. 29.

Более глубокий анализ криминализованности ссыльных можно осуществить на основе показателей, отраженных в систематических отчетах Иркутского губернского суда за 1880 и 1890 гг. о преступлениях, совершенных ссыльнопоселенцами и ссыlnокаторжными. В течение 1880 г. таких преступлений было зафиксировано 205, из них 88,3 % совершены впервые, 10,7 % — во второй раз и 1 % — в третий. По видам преступлений прослеживается следующее распределение: кражи (31,2 %), убийства (18,5 %), пособничество в побегах из тюрем (14,1 %), взлом тюрем и побеги, а также поджоги (по 4,88 %). Из 84 краж 64 были совершены ссыльными, из 46 убийств — 38 ими же⁷. Всего в 1880 г. Иркутским губернским судом было рассмотрено 266 дел, по которым было осуждено 388 мужчин и 35 женщин.

В 1890 г. поселенцами и каторжными было совершено 152 преступления, из которых впервые совершены 34,9 %, во второй раз — 38,8 % и 26,3 % — в третий. Как видим, общее количество преступлений сократилось по сравнению с 1880 г. на четверть, но при этом резко возросла доля рецидивных преступлений: 11,7 % в 1880 г. против 65,1 % в 1890 г. Можно предположить, что количественные характеристики преступности преобразовывались в качественные, то есть происходила профессионализация преступности. Наиболее многочисленными остались кражи (54 случая). Всего рассмотрено 981 дело, осуждено 1 042 мужчины и 110 женщин⁸.

Достаточно низкие показатели криминализованности были присущи крестьянскому сословию (не более 1 %, кроме 1910 г. (1,01 %) и 1911 г. (1,14 %)), хотя именно крестьяне преобладали в общей массе осужденных по абсолютным числам, но их нельзя принимать в расчет без учета соотношения с общим количеством представителей данного сословия.

⁷ ГАИО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 71. Л. 4, 12.

⁸ Там же. Д. 236. Л. 56–64.

Наиболее низкие показатели криминализованности были присущи представителям духовного сословия (до 0,83 % в 1913 г.), инородцам (до 0,37 % в 1915 г.) и военным (до 0,72 % в 1893 г.). Слабая predisposition лиц духовного звания к совершению преступлений, надо полагать, связана с их профессиональной деятельностью. Низкие показатели инородческого сословия объясняются тем, что на них общеимперское уголовное законодательство распространялось фрагментарно, лишь в случаях совершения серьезных преступлений (например, убийство с намерением, разбой, изготовление фальшивых денег и т.п.) или совершенных за пределами обитания конкретного инородческого общества. Кроме этого, общеимперские законы применялись в отношении «кочевых инородцев» за следующие группы преступлений и проступков: против веры христианской, государственные, против порядка управления, по службе государственной и общественной, против постановлений о повинностях государственных и земских, против имущества и доходов казны, против общественного благоустройства и благочиния, против общественного спокойствия и порядка, против законов состояния, против жизни, здоровья, свободы и чести, против собственности⁹. За преступления и проступки «менее важные» сибирские инородцы предавались суду своего общества или судились в инородной управе (либо в волостных инородческих судах, если инородное ведомство было преобразовано в волость) [10, с. 77].

Трудности взаимодействия представителей административной власти региона с инородческим населением нашли отражение в докладе Иркутского во-

⁹ Инструкция прокурора Иркутской судебной палаты чинам полиции округа Иркутской судебной палаты по обнаружению и исследованию преступлений. Иркутск : Паровая тип.-лит. П.И. Макушина и В.М. Посохина, 1912. С. 94–95.

енного генерал-губернатора Пантелеева, считавшего «главнейшим злом» в инородческой среде произвол родовых начальников. По мнению губернатора, сохранение у инородческих родовых начальников права суда по местным аборигенным обычаям даже за серьезные преступления (в том числе нанесение тяжких ран и ненамеренное убийство) являлось тяжелым произволом. Такие дела «разбираются у инородцев как дела исковые, их словесной расправой»¹⁰, а значит, находились вне ведения общеимперской правоохранительной и пенитенциарной систем. Поэтому определить даже приблизительную картину криминализированности инородческого населения Восточной Сибири не представляется возможным, поскольку данные о внутригрупповых разбирательствах в официальной статистике отсутствуют.

Низкие показатели криминализированности военных вызывают ряд вопросов. Во-первых, военные были часто вооружены, особенно в начале XX в., когда войска наводнили Восточную Сибирь в связи с русско-японской войной, а затем революционными событиями 1905–1907 гг. Так, уже в начале 1904 г. в Иркутской губернии было расположено 6 541 чел. мобилизованных, а в Енисейской — 8 988 чел. [11, с. 162]. Во многих местностях были развернуты госпитали, где лечились раненые, а по железной дороге войска транзитом проезжали на восток. В этих условиях практически невозможно было избежать преступлений, совершаемых солдатами. И поскольку войска были у всех на виду, военные часто фигурировали в криминальной хронике местной прессы.

Разница между социальными группами заметна не только в уровне их криминализированности, но и в особенностях противозаконной деятельности. Чем привилегированнее была группа, чем большими ре-

¹⁰ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 466. Л. 26.

сурсами и более высоким уровнем образования обладали ее представители, тем более изоциренными были их преступления. Дворян, купцов и почетных граждан судили преимущественно за должностные преступления, нарушения разных уставов, мошенничество. Чем ниже на социальной лестнице находилась группа, тем более грубыми и простыми были совершаемые ее представителями преступления. Мещане, крестьяне и ссыльные осуждались по делам о кражах, разбое, грабежах и убийствах. В 1885 г. в Енисейской губернии за убийства было осуждено 383 чел., из которых 23 были представителями мещанства, 157 — крестьяне и 158 — ссыльные.

Интересна корреляция преступлений и таких характеристик, как род занятий преступников, их вероисповедание, семейное положение, образование, национальность. В Иркутской губернии в 1910 г. были осуждены 1 672 человека¹¹. Из них около 46 % были заняты в сельском хозяйстве, приблизительно по 10 % пришлось на занятых в обрабатывающей промышленности, нематериальном производстве, а также на поденщиков и чернорабочих. Красноярским окружным судом в этом же году было осуждено 1 140 чел. Из них в сельском хозяйстве было занято около 44 %, в обрабатывающей промышленности — 14 %, в строительстве — 13,3 %. 86 % осужденных по Иркутскому и 89 % по Красноярскому окружным судам были православного вероисповедания (для сравнения: в Томской губернии — 85 % [7, с. 64]), католиков — 3,2 % и 3 %, магометан — 4 % и 2,7 %, евреев — 2,9 % и 1,8 % соответственно¹². Семейное положение и уровень образования осужденных представлены в таблице:

¹¹ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осужденных по приговорам общих судебных мест за 1910 г. СПб. : Сенатская тип., 1913. С. 90–91.

¹² Там же. С. 143.

Семейное положение и уровень образования осужденных в Иркутском и Красноярском окружных судах в 1910 г.*

Губерния	Общее число осуждённых	Семейное положение		Образование		
		Холо-стых и девиц	В бра-ке	Среднее	Грамот-ных	Негра-мотных
Иркут-ская	1 049	571	383	2	428	618
	100 %	54,4 %	36,5 %		40,8 %	58,9 %
Енисей-ская	789	408	332	7	280	502
	100 %	51,7 %	42 %		35,5 %	63,6 %

* Составлено автором по данным: Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осуждённых по приговорам общих судебных мест за 1910 г. СПб. : Сенатская тип., 1913. С. 90-91.

Как видно, большая часть осужденных Иркутской и Енисейской губерний не состояли в браке, тогда как в Томской губернии, например, наоборот, в браке состояло до 68 % преступников [7, с. 64], что делает особенным социальный портрет преступника Восточной Сибири. Большая часть осужденных являлись русскими (87 % в Иркутской и 89,4 % — в Енисейской губерниях), татары составляли 4 % и 2,9 % соответственно, а поляки — 2,2 % и 2,5 %¹³.

Таким образом, анализ социальных характеристик преступности Иркутской и Енисейской губерний в конце XIX — начале XX вв. позволяет смоделировать социальный портрет преступника Восточной Сибири. Среди преступников мужчины значительно преобладали над женщинами (хотя среди последних были в абсолютном большинстве некоторые

¹³ Свод статистических сведений о подсудимых, оправданных и осуждённых по приговорам общих судебных мест за 1910 г. СПб. : Сенатская тип., 1913. С. 165.

специфические преступники, например — детоубийцы). Следовательно, «средний» преступник в Восточной Сибири на рубеже XIX–XX столетий — мужчина. Около 70 % осужденных совершили преступления в возрасте наибольшей физической активности — от 21 до 40 лет, при этом детская преступность была развита слабо. Наш гипотетический преступник-мужчина 20–40 лет должен был быть скорее крестьянином или мещанином из ссыльных, холостым и неграмотным. Однако нужно учитывать, что анализ социального положения осужденных не позволяет сделать какие-либо однозначные выводы, что объясняется особенностями формирования криминальной статистики. Главное отличие Восточной Сибири в этом отношении от европейских губерний состояло в иной социальной структуре общества и наличии большого количества ссыльных — потенциальных преступников, уже судимых ранее за противозаконную деятельность.

Список использованной литературы

1. Зориков А.Н. Криминогенная обстановка как результат фактора социальной мобильности в России в нач. XX вв. / А.Н. Зориков // Революция и человек. Быт, нравы, поведение, мораль. — Москва : Ин-т рос. истории РАН, 1997. — С. 5–11.
2. Курас С.Л. О генезисе преступности в России (исторический аспект) / С.Л. Курас // Власть. — 2010. — № 3. — С. 78–81.
3. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — нач. XX в. : в 2 т. / Б.Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 1999. — Т. 2. — 425 с.
4. Анучин Е.Н. Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов: материалы для уголовной статистики / Е.Н. Анучин. — Санкт-Петербург : тип. Майкова, 1873. — 246 с.
5. Тамм Л.И. Записки иркутянки. Ч. 1–3. / Л.И. Тамм. — Иркутск : Отгиск, 2007. — 736 с.
6. Латкин Н.В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее / Н.В. Латкин. — Санкт-Петербург : Тип. и литогр. В.А. Тиханова, 1892. — 470 с.

7. Шиловский Д.М. Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867-1917 гг. : дисс. ... канд. истор. наук : 07.00.02 / Д.М. Шиловский. — Новосибирск, 2002. — 251 с.

8. Чудновский С.Л. Енисейская губерния к трехсотлетию юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды) / С.Л. Чудновский. — Томск : Сибирская газета, 1885. — 203 с.

9. Криминальные хроники Иркутска: хронологический перечень / авт.-сост. А.А. Сысоев. — Иркутск : Оттиск, 2013. — 351 с.

10. Данчевская А.В. Российское уголовное законодательство в конце XIX — начале XX вв. / А.В. Данчевская // Культура. Наука. Образование. — 2015. — № 1 (34). — С. 69–87.

11. Леонов А.Ю. Формирование русских войск в Иркутской губернии и Забайкальской области накануне и в годы русско-японской войны 1904-1905 гг. / А.Ю. Леонов, В.Д. Дугаров // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. — 2011. — № 1 (32). — С. 159–164.

References

1. Zorikov A.N. Criminogenic Situation as a Result of the Social Mobility Factor in Russia in Early XX Century. *Revolutsiya i chelovek. Byt, nrayvy, povedenie, moral'* [Revolution and Man. Way of Life, Morals, Behavior, Human Decency]. Moscow, Institute of Russian History Russian Academy of Sciences Publ., 1997, pp. 5–11. (In Russian).

2. Kuras S.L. On Genesis of Criminality in Russia (a Historical Aspect). *Vlast' = Governance*, 2010, no. 3, pp. 78–81. (In Russian).

3. Mironov B.N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.)* [Social History of Russian over the Imperial Period (XVII — early XX Centuries)]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 1999. Vol. 2. 425 p.

4. Anuchin E.N. *Issledovanie o protsente soslannykh v Sibir' v period 1827–1846 godov: materialy dlya ugovovnoi statistiki* [Studies on the Percentage of those Exiled to Siberia during the Period 1827–1846: Materials for the Criminal Statistics of Russia]. Saint Petersburg, Maikov Publ., 1873. 246 p.

5. Tamm L.I. *Zapiski irkutyaniki* [Notes by Irkutsk woman]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007. Pt. 1–3. 736 p.

6. Latkin N.V. *Eniseiskaya guberniya, ee proshloe i nastoyashchee* [The Yenisei Province, its Past and Present]. Saint Petersburg, V.A. Tikhonov Publ., 1892. 470 p.

7. Shilovskii D.M. *Politsiya Tomskoi gubernii v bor'be s prestupnost'yu v 1867-1917 gg. Kand. Diss.* [The Police of Tomsk Province in the Fight Against Crime in 1867–1917. Cand. Diss.]. Novosibirsk, 2002. 251 p.

8. Chudnovskii S.L. *Eniseiskaya guberniya k trekhsoletnemu yubileyu Sibiri (statistiko-publitsisticheskie etyudy)* [Enisei region tercentenary anniversary of Siberia (statistical and economic studies)]. Tomsk, Sibirskaya gazeta Publ., 1885. 203 p.

9. Sysoev A.A. *Kriminal'nye khroniki Irkutska: khronologicheskii perechen'* [Criminal Chronicles of Irkutsk: Chronological List]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2013. 351 p.

10. Danchevskaya A.V. Criminal Legislation of the Late XIX and in the Early of XX Centuries. *Kul'tura. Nauka. Obrazovanie = Culture. Science. Education*, 2015, no. 1 (34), pp. 69–87. (In Russian).

11. Leonov A.Yu., Dugarov V.D. Generation of the Russian Forces in Irkutsk Gubernia and Zabaykalsky District before and in the Years of the Russo-Japanese War, 1904–1905. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i upravleniya = East Sibiria State University of Technology and Management*, 2011, no. 1 (32), pp. 159–164. (In Russian).

Информация об авторе

Данчевская Анастасия Викторовна — кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110. E-mail: vashan16@mail.ru. SPIN: 6358-2755; AuthorID: 681310.

Author

Anastasya V. Danchevskaya — Ph.D. in History, Senior Lecturer, Department of philosophy, psychology and social sciences, East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 110, Lermontov Street Irkutsk, 664074, e-mail: vashan16@mail.ru. SPIN: 6358-2755; AuthorID: 681310.

Для цитирования

Данчевская А.В. Социальные характеристики преступности в Иркутской и Енисейской губерниях в конце XIX — начале XX вв. / А.В. Данчевская. — DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).667-687 // Историко-экономические исследования. — 2019. — Т. 20, № 4. — С. 667–687.

For Citation

Danchevskaya A.V. Social Characteristics of Crime in Irkutsk and Yenisei Provinces in the End of the XIX – Early XX Centuries. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2019, vol. 20, no. 4, pp. 667–687. DOI: 10.17150/2308-2488.2019.20(4).667-687. (In Russian).